

УДК 130.2:39

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ В МЕНТАЛИТЕТАХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

© Э. В. Никитина

Чувашский государственный университет
Россия, Чувашская Республика, 428015 г. Чебоксары, Московский пр., 15.

Тел./факс: +7 (8352) 45 02 79.

E-mail: erbina@rambler.ru

В статье утверждается, что общие черты в менталитетах народов Поволжья и Приуралья обусловлены не столько генетическим родством и схожими природно-географическими условиями существования, сколько общностью исторической судьбы, социально-политическими и экономическими факторами. Специфика этноменталитетов чувашей, татар, башкир, марийцев, мордвы, удмуртов раскрывается через сравнительный анализ некоторых их коллективных представлений о мире и себе, традиционных ценностей, моральных принципов и стереотипов поведения.

Ключевые слова: этнический менталитет, менталитет народов Поволжья и Приуралья, чувашский этноменталитет, этнорелигия, этноязыковые процессы, общегражданская идентичность, российская ментальность.

Бесспорно, в мире нет ни одного «чистого» народа, не впитавшего множество инородных элементов и сохранившего в неизменном виде свои имманентные свойства. Тем не менее каждый этнос обладает явно специфическими качествами. Во-первых, это внешние отличительные особенности физического типа людей, т.е. расовые признаки (отличия цвета кожи, глаз, типа и цвета волос, черт лица, роста, формы черепа и т.д.), которые при непосредственных социальных контактах практически невозможно не заметить или скрыть. Во-вторых, это внутренние, едва фиксируемые их носителями особенности, касающиеся сферы мышления и поведения этнических общностей. Речь идет не только о психическом складе, характере, самосознании и чувствах народа. Имеются в виду также восприятие народами себя и друг друга, процессы опосредованного и обобщенного отражения в сознании нации переживаемых событий, память, воображение и волевая активность представителей различных этносов, развитие талантов и дарований народа – все то, что включает в себя понятие этнического менталитета.

Этнический менталитет – это специфическая манера мышления и общения, присущая представителям одного народа, обусловленная социальными факторами, генетическими особенностями, психическим складом этноса и материально выраженная в его языке, словесности, однотипном поведении [1, с. 39]. На ментальность этнической группы влияют не только материальная сторона быта, но и эмоциональное и художественное восприятие мира, имеющиеся знания, рациональные конструкции, мировоззренческие основы, общественные настроения (политические, религиозные и т.п.). Структурными элементами этноменталитета являются этническое бессознательное, этнический характер и этническое сознание (самосознание).

Наиболее отчетливо менталитет проявляется в стереотипах поведения представителей этнической

культуры. Стандартными формами социального поведения, заимствованными из прошлого, являются традиции и обычаи. Повторяющееся веками, типичное для многих поколений одного народа своеобразное миропонимание, которое проявляется в человеке и его поступках независимо от воли и сознания, объясняется действием этнического бессознательного. Этническое бессознательное отражает опыт предыдущих поколений, воплощенный в архетипах как общечеловеческих первообразах. Культурные архетипы – это глубинные культурные установки коллективного бессознательного, крайне трудно поддающиеся изменению. Факт остается фактом: чувашаи и башкиры уважительно относились друг к другу с допугачевских времен и не было вражды между ними, но до сих пор непослушных детей в чувашских селениях пугают словами «татарин идет!» или «отдам татарину!».

При многих общечеловеческих качествах ментальности народов так же своеобразны, как неповторимы их исторические судьбы. Влияние различных факторов (в первую очередь, природных и социальных) на формирование этноменталитетов признают исследователи разных направлений философии, социологии, психологии, истории. Психологи Р. Андерсон и П. Шихирев отмечают, что даже едва заметное различие географических, этнографических, культурных факторов дает разницу в менталитете этнических общностей [2, с. 27].

Народы Поволжья и Приуралья имеют значительное хозяйственное, культурное и этническое сходство, что обусловлено единой территориально-географической средой, однородными историческими, экономическими и социально-политическими условиями существования. Можно выделить некоторые общие этнопсихологические особенности представителей башкирского, мордовского, марийского, татарского, удмуртского, чувашского этносов – такие качества, как неприхотливость и непритязательность в быту, повседневной и про-

фессиональной деятельности, исполнительность и настойчивость во всех видах труда, активно выраженный коллективизм и толерантность [3, с. 150]. Но близкие по генотипу, языку и культуре народы заметно разнятся по менталитету. Скажем, по мировоззрению и поведению чуваша в целом заметно ближе к этнорелигиозным марийцам и удмуртам, нежели родственным тюркам – мусульманским татарам.

Обладея особой ментальностью, представитель той или иной этнической общности предрасположен мыслить, чувствовать, действовать в рамках национальных традиций, норм и правил этикета. Некоторые правила и нормы отличаются даже у близких соседей. Например, чуваша, бесермяне и удмурты – исторически народы-соседи, долгие века жили в одних условиях, в одном регионе. При этом многие черты менталитета у них не похожи, есть и прямо противоположные. Сравните: чувашский и марийский традиционные ритуалы жертвоприношения и чюки (моления) запрещают применение алкоголя, а удмурты не могли представить их без кумышки (самогонки).

Или другой пример: честь чувашской девушки дороже жизни, пьющая и гуляющая баба не считалась и не считается мало-мальски уважаемым членом общества. Но вот что пишет о вотяках начала XIX в. в своих очерках немецкий путешественник И. Ф. Эрдман: «Целомудрие у них не есть добродетель, и родители охотно уступают своих дочерей для плотского удовольствия посторонним мужчинам, так как беременная легче находит мужа: она уже может считать плодovитую. Впрочем, у них допускается многоженство. Муж редко бранит свою жену и еще реже бьет. Если нечто подобное и случается, то на то смотрят как на нечто предосудительное. <...> Бабы и девки, когда сидят между мужчинами, пользуются почетом, пьют и напиваются допьяна» [4, с. 16]. Очевидно, на традиции удмуртов, как на ненцев, коряков, эвенков, камчадалов, в отличие от чувашей, башкир и татар, влиял и влияют северные демографические условия, характерные для малочисленных народов.

Необходимо учитывать, что ментальность не набор характеристик или доминирующих психологических черт личности, а система взаимосвязанных образов и представлений о мире и месте человека в нем, которая регулирует мышление, поведение и общение членов этнической группы. Система стабильных представлений выявляется через типичные реакции и отношения человека к миру и самому себе. В основном выделяются следующие группы коллективных представлений, определяющие содержание ментальности:

- хозяйство; природное и социальное окружение;
- семейная и сексуальная жизнь, любовь; отношение к женщине и мужчине;

- отношение к детям; старости; болезням; телесности;

- религиозные верования, идеи о душе, смерти, спасении; страх;

- время; пространство; история [5, с. 193].

Данный перечень можно продолжить, добавив к нему отношение этноса к родному языку, музыке, вообще к искусству, власти, политике, суду. Нормативные отношения в разных сферах жизнедеятельности позволяют разносторонне рассматривать любую этническую ментальность. Поскольку этнический менталитет не всегда артикулируется носителями, его реконструируют в разрезе разных эпох на основе сравнения ментальностей различных народов. Попытаемся обозначить общие и особенные черты традиционных менталитетов народов Поволжья и Приуралья, затронув некоторые фрагменты их коллективных представлений о мире и себе, традиционных ценностей, устойчивых моральных принципов и стереотипов поведения.

Для выявления традиционного менталитета и характера наших предков важны любые письменные источники – исследования древних рунических памятников, фольклорные, религиозные, историко-литературоведческие, лингвистические, этнографические материалы. Облик коренных народов России хорошо отражают научно-этнографические наблюдения, которые велись с XVIII в. по инициативе М. В. Ломоносова. В 1768–1774 гг. состоялись академические экспедиции, с которых началось исследование центральных и южных областей страны, Поволжья, Приуралья, Сибири, Камчатки, Дальнего Востока, Курильских островов. Экспедиции возглавили И. И. Лепехин, С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштадт, П.-С. Паллас и другие крупные ученые, посетившие Поволжье и Сибирь.

Иностранцы путешественники XVIII–XIX вв. относились благосклонно к инородцам, находили их приветливыми и пригожими. «Чуваша мягки, услужливы и послушны; они меньше ростом и хуже сложены, как черемисы, с широкими бледными лицами, темнокарими и узкими глазами, жидкими черными волосами и такою же бородкой... Женщины заплетают волосы в две длинные косы, причем заботливо укрывают их платком, девушки же не закрывают волос», – замечает Август Гакстгаузен [6, с. 310–311]. Однако этот и многие другие отзывы носят чисто описательный характер, без вникания в социально-политические и экономические проблемы жизни и быта российских инородцев.

Каждый этап исторического развития народов Поволжья и Приуралья и прежде всего изменения ментальности, связанные с подавлением этнорелигий, исламизацией и христианизацией в прошлые века, оставили заметные следы в их духовной культуре. Этнорелигия, как язык и словесность, уникальная у каждого народа, является хранилищем его высших духовных ценностей и норм. Удовлетворяя нравственные потребности людей, она слу-

жит общепризнанной системой координат в поисках правильной жизненной позиции и праведного образа жизни, а также способствует интеграции человека в социум. «Локальные религии ориентированы на настоящую жизнь. Они объясняют конкретные события, помогают людям справиться с травмой от смерти и укрепляют нравы общества. Это, в свою очередь, способствует осуществлению объединения и лучшей коллективной жизни, позволяет индивидам быть вовлеченными во взаимодействие с их предками или богами, что должно принести им крепкое здоровье здесь на земле, успех в охоте или успех в битвах. Хотя отдельные члены рода могут надеяться на присоединение к своим предкам после того как умрут, они типично имеют смутные представления о том, на что будет похоже существование после жизни. Предки берут на себя ответственность следить за живущими членами рода, наказывать и награждать их за определенные действия. Однако предкам не позволено иметь очень счастливое загробное существование, и таким образом действия членов рода не мотивированы тем, чтобы получить награды после жизни.

В противоположность этому мировые религии сильно сфокусированы на загробном мире, на наградах и наказаниях, которые ожидают там каждого. <...> Христианские десять заповедей также устанавливают ограничения, запрещающие определенные поступки на земле с обещанием Раю, который ожидает тех, кто живет согласно заповедям. Большинство теорий и учений в христианстве касаются описания жизни в Раю или Аду. На первый взгляд, ислам можно принять за исключение в этом смысле, потому что Коран не направлен к потустороннему миру, но, скорее, очень сильно сфокусирован на земной жизни и на том, что мы должны делать здесь. Однако слово «ислам» означает покорность, и Коран описывает в подробных деталях, что каждый человек должен или не должен делать в своей ежедневной жизни. Многие из этих ограничений – от моления пять раз в день до поста во время Рамадана – требуют жертвовать определенными земными удовольствиями ради обещания последующих наград в Раю, как это происходит в христианстве и буддизме. В этом отношении ислам очень похож на другие главные мировые религии» [7, р. 60–61].

Последование чужой религии, особенно мировой (надэтнической) религии, неминуемо ведет к исчезновению этноса, ассимиляции его культуры с культурой народа-поработителя. Принятие ислама тюрками в X в. только на первых порах положительно сказалось на идеологии их государств (Тюркских каганатов). В дальнейшем проявились отрицательные стороны перехода в новую религию: вместе с забвением этнорелигии стали исчезать и тюркские национальные традиции и обычаи. «Национальная идеология подменялась религиозной. Народ читал молитвы на чужом языке, не по-

нимая сути и смысла. <...> Тюркские традиции, обычаи, мировоззрение, законы стали подменяться арабскими. С принятием ислама тюркоязычные племена перешли на арабский алфавит, отказавшись от тюркского (руны). <...> Им теперь были недоступны древнетюркские книги и надписи, выбитые на камнях. <...> Тюрки были лишены источника живой силы, которая определяет самосознание народа, его национальный дух. <...> Тюрки были втянуты в величайшую религиозную войну средних веков на Ближнем Востоке, где они вынесли основную тяжесть войны с крестоносцами, защищая арабские земли и религию ислам» [8, с. 117]. Население Волжской Булгарии к концу X в. также мусульманизировалось. Ислам изменил духовную культуру болгарского общества, оттеснив «языческие» культы в область суеверий. Не принявшие ислам отдельные суварские и финно-угорские племена наперекор официальной власти сохранили свою веру и обряды, которые существуют и в настоящее время в виде этнорелигий некрещеных чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы. В последующем чуваша, принимавшие ислам, отатаривались полностью, утрачивая чувашскую идентичность.

Распространение христианства в России среди инородцев с XVI в. (после падения Казани в 1552 г.) также можно сравнить с культурной глобализацией, т.к. степень унификации основных параметров культур народов, вошедших в зону его влияния, и уровень нивелирования локального этнокультурного своеобразия были невероятно высоки. За четыре века православная идеология тесно переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, однако ценности русско-византийской церкви не стали базисными в их этноменталитетах. Об этом свидетельствуют, в частности, факты небрежного, нетрепетного отношения чувашских крестьян рубежа XIX–XX вв. к иконам православных святых. М. Горький в письме заведующему редакцией журнала «Наши достижения» В. Т. Бобрышеву от 26 октября 1935 г. писал: «Оригинальность Чувашии не только в трагедии, а в том, что еще в 90-х годах крестьяне в награду за хорошую погоду мазали губы Николая Мирликийского сметаной, а за плохую – выносили его на двор и сажали в старый лапоть. Это после доброй сотни лет обучения христианству. И в данном случае преданность старине языческой – похвальна, как признак сознания народом своего достоинства» [9, с. 180].

В наиболее крупном и ценном труде «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Исторический очерк» (1912) выдающийся чувашский этнограф, фольклорист, историк профессор Н. В. Никольский, исследуя самый решающий и переломный период ново-булгарской (собственно чувашской) эпохи этнической истории, когда

происходила трансформация традиционного религиозного сознания чувашей и разрушение структуры чувашского мироздания, указывает на то, что насильственно внедряемое православие служило лишь идеологическим оправданием колонизации Чувашского края со стороны Московии. «И язычество, и мусульманство, несмотря на свое бесправное положение, вызванное стремлением правительства насадить среди инородцев православие, продолжают жить у инородцев и пользоваться большим расположением, чем христианская религия. Правда, христианство проникает в новокрещенскую массу, но поверхностно: новокрещенные исполняют христианские обязанности, принимают таинства, ходят в церковь, но только для вида и исключительно ввиду контроля духовной и светской администрации» [10, с. 231]. Приняв православие (в перспективе не имеет значения, насильно его привили народу или оно освоено по доброй воле), инородцы диалектически соотносили нравственность христианства с традиционным народным («языческим») учением: их этнорелигиозное сознание не вытеснялось, а корректировалось, хотя и это, несомненно, отразилось на этнической ментальности. К примеру, чувашская этнорелигия, подкрепленная древнейшими пластами мифологического мировоззрения, представлений о мироздании и человеческом духе, легко вписывалась в христианское учение.

XVIII–XIX вв. в России прошли под флагом русификации инородцев. Царизм и церковь проводили русификаторскую политику, не вникая в духовные нужды инородцев, не признавая за ними права на сохранение родных языков. Миссионерская система образования и воспитания для нерусских народов Н. И. Ильминского хотя и сохраняла языки и культуры народов Поволжья, однако при этом на ментальном уровне приобщала инородцев к русско-европейской культуре и образу жизни. Дальновиден был русификатор Ильминский: «...не спешите насмехаться как над логической несообразностью над нашей системой – русить инородцев посредством их родных языков» [11, с. 88]. Действительно, насмехаться нет резона, поскольку в настоящее время в национальных республиках Российской Федерации языки титульных наций не выдерживают никакой конкуренции со стороны русского языка. По данным переписи населения 2010 г., 70.9% чувашей страны указали в качестве родного чувашский язык, а остальные 28.9% назвали русский. Это явление характерно для всех коренных российских народов, даже для татар, хотя и в меньшей степени: 79.2% татар России выбрали в качестве родного татарский язык, но 20.4% – русский. Мышление россиян глубоко русифицировано. Реальный билингвизм (владение в равной степени национальным и русским языком) в массе отсутствует, он сохраняется только в среде научно-гуманитарной и художественной элиты, нацио-

нального учительства, работников национальных СМИ [12, с. 160].

Более того, в 2012 г. эксперты ЮНЕСКО внесли чувашский, башкирский, адыгейский, калмыцкий, удмуртский, коми, тувинский, якутский и другие языки, обозначив их как нежизнеспособные, в Атлас исчезающих языков мира (всего в России находится в опасности 136 языков). Национальные языки в стране постепенно вытесняются единым языком межнационального общения. Если учесть, что этноментальность в первую очередь транслируется через материнский язык как главное орудие воспитания и образования, то мы уже не можем утверждать, что особенности менталитетов российских народов продолжают традиционно и стабильно воспроизводиться в новых поколениях и не заменяются общегражданской идентичностью и российской ментальностью.

С конца XVIII в., после подавления пугачевского бунта, менталитет и поведение малых народов сильно изменились. Выход из конфликтных ситуаций с властью предержащими подневольный инородец находил либо в прикидывании под дурачка («ни бельмеса») или показом полной покорности («шапка в подмышку»), либо в открытой вражде и бегах. Все то доброе и сочувственное, что говорилось о малых народах до этого периода, меркло в могучем потоке пренебрежительно-унизительных докладов и доносов официальных лиц и духовенства имперской России. Почти во всех трудах даже признанных историков XIX в. проходит мысль о превосходстве славянских племен над инородцами. Николай Полевой, создавая шеститомную «Историю русского народа», писал: «В наше обозрение не войдут финские племена. Отставая далеко от славянских племен телесным сложением, будучи диче, беднее, малочисленнее их, они вскоре были оставлены варягами без внимания. Прозябая неподвижно на местах, ими издревле занимаемых, даже и ныне финны могут ли быть почтенным народом, входящим в состав гражданского нашего общества? Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, засеянным животворными, хлебными растениями... Доныне племена их живут в сих местах, под именем чухнов, черемисов, чуваш, мордвы...Обведем черту, образуемую народами финскими, и мы увидим в них, как будто волну моря, отхлынувшую с юга и застывшую в течение веков» [13, с. 45].

Дикари, изгои, сорная трава – такое отношение имперских политиков вытравило из инородцев традиционную ментальность, живую мысль и слово, свободу действия и здоровье. «Настоящий клад для земской полиции – эти вотяки, мордва, чуваш; народ жалкий, робкий, бездарный. Исправники дают двойной окуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками...» – читаем в воспоминаниях А. И. Герце-

на «Былое и думы» (1835) [14, с. 192]. Иноходец в России до XX в. властью воспринимался как человек второго сорта и ставился на уровень тягловой скотины, которую можно продавать и перепродавать, поскольку крепостной человек не имел ни малейшего права и голоса.

«Бедность, дикость и робость чувашей симбирских зависят частью от условий местности, на которой судьба определила им проживать; частью же и от собственной их лени, которой также способствует природа... Природа Присурская столь богата рыбными озерами, сенокосами, пахотными землями, лесами и разными произведениями, что могла бы озолотить миллионы людей даже с посредственной предприимчивостью. Но сурский чувашин дары природы ставит ни во что, ленится да и только: он запасается всем на короткое время, а о будущем и ухом не ведет; ему и в голову не приходит, что пользуясь изобилием произведений природы, он мог бы зашибить лишнюю копейку на черный день...» – писал В. И. Лебедев в очерке «Симбирские чуваше» [15, с. 305].

В том ли причина, что чуваш «ленится да и только»? «Разумеется, что не все чуваше такие оригинальные лентяи: есть из них и зажиточные, которые держат пчельники, имеют мельницы и нанимают земли для обрабатывания, кроме своих; но это бывает очень редко, особенно в деревнях прилесных, – продолжает этнограф. Докопаться до истинных причин он не сумел. – ... Оттого они и крайне робки в обращении с другими людьми, что тут перед глазами у них одни только дремучие леса, да любимые их животные – столь же трусливые козы» [15, с. 306].

Естественно, географический фактор, включающий общность территории, природные ресурсы, экономико-географическое положение, природные и производственные комплексы и их компоненты и т.д., является одним из важнейших элементов, влияющим на формирование менталитета этнической группы. Природные условия территории влияют на жизнь народа, отражаясь в некоторых общих особенностях его хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Бедность земли и вековая нищета отразились на самосознании инородцев. Объективно складывавшиеся для всех народов Поволжья на протяжении столетий условия существования не давали оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли специфику их менталитета. «Минимум благ воспринимался благосклонно и с почтением. И если он не был достаточным для выражения восторга и радости, то, по крайней мере, не давал оснований роптать на судьбу и жаловаться на свою несчастливость» [16, с. 35].

Однако гораздо сильнее на образ жизни и ментальность народа действует фактор социально-политический. Причина «бедности, дикости и ро-

бости чувашей» не только в территории, на которой они живут и работают («дремучие леса»), и не в трусливых козах и в психическом складе («чуваше ленится да и только»). «Наступает время платежа подушных и на земские повинности денег, тогда разоренный бедняк подвергается жестоким телесным наказаниям. Присланные из земского суда раскатыльные бьют их без милосердия. Приведенный в отчаяние чувашин отдает себя и детей в кабалу из-за платежа только подушных денег» (из донесения и.д. начальника V округа, жандармского полковника Маслова шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу от 11 августа 1831 г.) [17]. Маслов, которого долгие советские годы обвиняли в чувашененавистничестве, был честнее многих, когда свидетельствовал об ужасных лихоимствах священников, писарей, лесничих и прочего начальства по отношению к инородцам.

В горестном положении находились все без исключения инородцы. Исследователь башкирского края В. М. Черемшанский во второй половине XIX в. отмечал: «...Дикий и необузданный, привыкший действовать самопроизвольно, не терпящий над собою никакой власти, одним словом – народ буйный и своевольный, в настоящее время представляет народ мирный, терпеливый и покорный, не имеющий уже того строптивого духа» [18, с. 13]. «Глядя на башкир, трудно себе представить, что это был когда-то многочисленный и сильный народ, которому принадлежала, за небольшим исключением, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших) и на восток по Миасу, Исети, Тоболу и Иртышу до Оби», – добавляет Д. Г. Амиров [19, с. 37]. «Места, где я был, все населены чувашами, черемисами и татарами. <...> Низшие начальники обращаются с ними, как с животными, совершенно забывая, что это такие же люди, как они сами, и хотя невежественные и не столь просвещенные, но в основе гораздо чище и лучше, чем они, и вообще менее испорченные» [20, с. 37] – делал выводы из своей служебной командировки в Поволжье И. Б. Пестель.

С полным пониманием критического положения подневольных инородцев России, не принимая лозунгов официозного шовинизма, писали А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, П. И. Пестель, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. Т. Аксаков, П. И. Мельников-Печерский, А. А. Фукс, В. А. Сбоев, В. К. Магницкий, Н. И. Ашмарин и другие представители русской, немецкой, украинской, польской интеллигенции. «Отец доказывал моей матери, что она напрасно не любит чувашских деревень, что ни у кого нет таких просторных изб и таких широких нар, как у них, и что даже в их избах опрятнее, чем в мордовских и особенно русских; но мать возражала, что чуваше сами очень неопрятны и гадки; против этого отец не спорил, но говорил, что они – предобрые и честные люди» (С. Т. Аксаков) [21, с. 146].

Угнетенное настроение и подневольное положение народа сливается с национальным характером. В итоге за восемь веков колониального рабства и официального чернословия сформировался новый образ мышления, новый инстинкт самосохранения – без максимализма, экстремизма, на основе постоянного, кропотливого, фанатичного созидания вместо наглых разрушений. Словом, сформировался менталитет инородца, почти единый для всей имперской России. С этой точки зрения показателен опыт на собаке психофизиолога М. Селигмена: под чередой ударов током плененное животное постепенно теряет желание вырваться из клетки, смиряется.

Для отечественных исследователей XX в. стало характерным выявление этнического своеобразия через сравнение традиционного быта и духовной культуры соседних народов. Авторы приводили множество примеров из жизни русского, башкирского, удмуртского, марийского, мордовского, татарского народов. В этнических менталитетах, естественно, выявлялось много общего, замечалась и специфика.

К примеру, у народов Поволжья и Приуралья не наблюдается больших разногласий в вопросах воспитания детей, что объясняется единым крестьянским укладом жизни и быта семьи инородца в прошлом. Воспитание детей в дореволюционной деревне осуществлялось в основном в семье и религиозной школе (при мечетях, серепах или церквях). Родители стремились воспитать детей хорошими тружениками, с детского возраста помогающими родителям и способными самостоятельно выполнять все виды работ в поле и дома [22, с. 265]. В основе воспитания детей лежал труд, что определяло роль и распределение обязанностей между родителями в воспитательном процессе. С малых лет сыновья преимущественно находились рядом с отцом и другими мужчинами в семье, приобщаясь к производительному труду. Дочери в меру своих возможностей помогали матери и остальным родственницам. При этом в распределении работ между детьми совершенно отсутствовал какой-либо четко выраженный возрастной принцип, не в пример половому, который по возможности строго соблюдался и соблюдается.

Ментально значимы формы общения и взаимоотношений родственников и свойственников. Во многих мордовских, чувашских, башкирских, татарских, марийских семьях и в настоящее время сохраняется традиция не называть родственников, особенно старших, по имени, а используются специальные термины-обращения [23, с. 127]. Это связано, прежде всего, с культом почитания предков, уважения старших, характерным для восточной этики, а также с функцией оберега, защиты от злых духов, врагов, чужаков через сокрытие собственного имени человека. Чувашская терминология родства является одной из самых развитых, близкой к

китайской. В ней за каждым членом семьи закреплено нарицательное имя: от прадеда, деда и бабушки по линии отца (мазак, азатге, азанне) и линии матери (мамак, кугазей, кугамай) до детей сестры и брата (асла ули, кезен херчче и т.д.) [24, с. 184].

Современные социологические исследования демонстрируют, что у народов Поволжья и Приуралья сохраняется высокая традиционность и в гендерных отношениях. Т. М. Дадаева и А. Ф. Фудин, подводя итоги опроса 2011 г. среди студентов-первокурсников Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, обращают внимание на их ответы о качествах «настоящего» мужчины и «настоящей» женщины с точки зрения этнической принадлежности респондентов [25, с. 105]. Списки пяти лидирующих качеств «настоящего» мужчины и «настоящей» женщины у русских, мордвы и татар в целом совпадают. Однако ранжирование этих характеристик внутри разных этнических групп происходит по-своему.

Татарские и мордовские юноши в отличие от русских отдают абсолютное предпочтение способности женщины выполнить свое главное жизненное предназначение – быть хорошей матерью. У русских на первом месте – «красивая, обладающая привлекательной внешностью». Только русские юноши считают, что женщина должна быть умной и образованной, а ее практические умения («хозяйственная, практичная») из них не выбрал никто. У татар и мордвы наоборот: женщина должна быть хозяйственной и практичной, но никак не умной и образованной. Таким образом, мордва и особенно татары оказались более патриархальными в выборе качеств «настоящей» женщины, нежели русские.

Любопытно сравнение отношения к женщине у тюрков – исповедующих ислам татар и башкир и православных чувашей. О бесправном положении женщины-татарки в семье и обществе, неразрывно связанном с сохранившимися патриархальными пережитками, мы хорошо слышаны. С развитием капиталистических отношений положение женщин в традиционных татарских семьях стало еще более тяжелым. Во второй половине XIX в. в литературе довольно часто упоминалась продажа татарок приезжавшим сюда восточным купцам, укрепился взгляд на женщину как на объект семейной собственности. Калым являлся важнейшим элементом брачных соглашений. Женщину продавали и покупали при заключении брака, в случае смерти мужа как семейную собственность ее оставляли в наследство братьям мужа [22, с. 24].

Считается, что отрицательную роль в этом сыграла мусульманская религия, веками проповедовавшая неравное положение женщины в семье, что всемерно поддерживалось господствующими сословиями татарского общества. С ранних лет девочка-татарка слышит о том, что надо быть покорной мужу, ибо повиновение ему равно повиновению богу, а мальчик знает, что ему предстоит быть

господином над женой, – ислам всецело защищает права мужа. Но ссылка только на специфику религии не совсем верна. Если сравнить исторические судьбы татарской и башкирской женщин-мусульманок – это небо и земля.

Башкирская женщина пользовалась и пользуется большой свободой – вопреки устоявшемуся представлению о приниженном положении всех женщин Востока. В массе своей браки башкир были моногамными, несмотря на разрешенное Кораном многоженство, и в семьях отношения между полами строились на равноправии и на равных обязательствах [26, с. 82]. Несмотря на непререкаемый авторитет отца, воля которого была законом для всех, муж старался гуманно относиться к жене, детей почти никогда не наказывали. Башкирка – это девушка-джигит, «амазонка степей», которая скакала на лошади и стреляла из лука не хуже любого мужчины. Она самостоятельна в суждениях и поступках, в некоторой степени эмансипированна. Башкирка была другом и помощницей в суровой жизни кочевника-скотовода, ни перед кем не закрывала лица, нередко сама являлась инициатором развода, более половины башкирок дореволюционного времени знали грамоту. Пожилая женщина пользуется всеобщим уважением, во многих случаях ее голос решающий. По этим пунктам башкиры более похожи на не принявших ислам чувашей, нежели на татар.

По чувашской традиции отношение мужчин к женщинам было подчеркнуто почтительным и в семье, и на общенациональных мероприятиях. Чувашская женщина не знала паранджи и имела равное с мужчинами право голоса на собраниях и советах старейшин. Известны случаи, когда чувашская женщина вела конницу в атаку на врага. При совершении общеродового моления «сыра чюке» (моление с пивом) за передний стол с главой рода по одну сторону сажались именно женщины и им поручалось произнести главные молитвы Верховному Богу (Мун Тора) и предстоящим перед ним добрым силам, и только за ними вступали в действие мужчины. Это же заметил арабский путешественник и писатель Ахмед Ибн-Фадлан, путешествуя по Волге в 921–922 гг. После чтения дипломатического письма правителю Булгар он «вынул подарки, состоявшие из благовоний, одежд, жемчуга для его жены, и я непрерывно возлагал на него и на нее одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облек его жену в почетный халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай» [27]. Женщины у древних тюрков и булгар не были бесправными, хотя зависели от мужей. Обычаи охраняли женщин и были очень строгими и жестокими по отношению к нарушителям их прав: изнасилование замужней женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней. Изнасилование считалось самым тяжким преступлением.

Роль жены и матери в современной чувашской семье высока неимоверно, как и прежде. Чувашки острее чувствуют ответственность за детей и семью, бесконечно терпеливы к финансовым и житейским трудностям, стараются выкарабкаться из беды любыми способами. В их поведении проявляются глубинные основы древнего общетюркского этнического менталитета.

Даже у тех народов, которые жили в сходных природно-географических условиях и придерживались одной веры, формирование этноменталитетов и накопление знаний происходило неодинаково из-за исторических особенностей жизни и различных культурно-экономических связей [22, с. 312]. Башкиры резко отличались от родственного им татарского народа своим негативным отношением к таким качествам человека, как «прожорливость», расчетливость и хитрость в отношениях с людьми, необходимых для деятельности в сфере торговли. «Умение купли-продажи с выгодой для себя, что так высоко ценится у народов, занимающихся торговлей, не почиталось за особое достоинство в среде башкир. Они оценивали человека по совершенно другим меркам: в первую очередь, по широте души, щедрости, смелости и простоте» [26, с. 119]. История хранит десятки случаев, когда башкиры из-за уважения задарма отдавали свои земли переселенцам-чувашам. Но татары Поволжья – отличные коммерсанты – по традиции стремились оттеснить соседей, даже в диаспоре. Например, татарское селение Шингирдам благодаря торговой напористости жителей в постсоветские переломные годы превзошло по богатству строений, культурных и религиозных объектов свой райцентр Батырево Чувашской Республики. Они и их предки издавна жили на больших торговых дорогах Восточной Европы и издревле были втянуты в оживленные экономические и культурные отношения с отдаленными странами Передней и Средней Азии, а позднее со своими западными соседями – русскими. Поэтому татарский менталитет – это менталитет торгового, предприимчивого народа, с традиционной тягой к знаниям и новому опыту, а духовные установки менталитета башкирского народа изначально базируются на таких ценностях, как свобода (поставленная выше всякого другого блага), примат чувственного начала над рациональным, стремление к справедливости.

XX в. внес много позитивного и отрицательного в менталитет российских народов. Общественная реальность, политика постсоветского государства ввели разрушающие изменения в традиционный ритм общественно-семейных, гендерных, межнациональных отношений, обострили проблему отцов-детей, семьи и школы. Изменились модели поведения супругов, молодежи, подростков, обновилась модель самоохранительного поведения (типы адаптации). В настоящее время уже трудно определить наверняка, что преобладает в этниче-

ских семьях – традиционные устои или «телевизионный» стандарт. Бесконтрольные потоки информации, идущие из СМИ и интернета, вымывают и общее, и особенное в уникальных культурах башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей и других малых народов Российской Федерации. Остается открытым вопрос, возможно ли и нужно ли вообще сохранение языков, этнического традиционализма и особенностей этнических менталитетов в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина Э. В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 204 с.
2. Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины»: психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: Дело ЛТД, 1994. 208 с.
3. Крысько В. Г. Этническая психология. М.: Академия, 2002. 320 с.
4. Эрдман И. Ф. Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Памятники Отечества. Полное описание России: Удмуртия. М.: Памятники Отечества, 1995. С. 14–17.
5. Стрельник О. Н. Внутренняя составляющая оснований цивилизации: ментальность // Основания цивилизации: философский анализ / Под ред. В. М. Найдыша. М.: СигналЪ, 2001. С. 168–208.
6. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1870.
7. Mueller D.C. Reason, Religion, and Democracy. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 450 p.
8. Безертинов Р. Н. Татары, порки – потрясатели Вселенной (История Великих Империй). Новосибирск: ЦЭРИС, 2001. 734 с.
9. Русские писатели о чувашах: Сб. произведений / Сост. Ф. Е. Уяр. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 590 с.
10. Никольский Н. В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк // Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 126–356.
11. Ильминский Н. И. По делу образования инородцев. Письмо крестьянина села Ильмового Куста Буинского уезда Симб. губ. // Казанские губернские ведомости. 1868. 24 февраля. №16. С. 87–88.
12. Никитина Э. В., Трифонов Г. Ф. Язык и этноментальность в глобализационном процессе // Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. «Современный мир и этнонациональные процессы» (г. Якутск, 20–21 сентября 2012 г.). Якутск: Сфера, 2013. С. 155–163.
13. История русского народа. Сочинения Николая Полевого. Т. I. 2-е изд. М.: Типография Августа Семена при Имп. Мед-хирург. Академии, 1830. С. 45, 62–63.
14. Герцен А. И. Былое и думы. Избр. главы. М.: Просвещение, 1984. 352 с.
15. Лебедев В. И. Симбирские чувашы // Журнал МВД. 1850. Ч. 30. Кн. 6 (июнь). С. 304–307.
16. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 242 с.
17. Донесение и.д. начальника V округа, жандармского полковника Маслова шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу от 11 августа 1831 г. // НА ЧГИГН. Ф. I. Ед. хр. 533. Инв. № 5836–5901. Л. 85.
18. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губернско-го правления, 1859.
19. Амиров Д. Г. Башкиры. Этнографический очерк. Стерлитамак, 1922.
20. Васин К. К., Коробов С. А., Рейнфельдт Б. К. Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае (дооктябрьский период). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1966. 156 с.
21. Чувашы в русской литературе и публицистике: в 2 т. Т. I / Сост. Ф. Е. Уяр. Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 456 с.
22. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Под ред. Н. И. Воробьева, Г. М. Хисамутдинова. М.: Наука, 1967. 540 с.
23. Народы Приволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / Под ред. Р. Г. Кузеева. М.: Наука, 1985. 310 с.
24. Дмитриева Н. И., Никитин В. П. Мир чувашской культуры (Древняя история и духовное наследие этноса): Учеб. пособие. Чебоксары: Новое время, 2007. 304 с.
25. Дадаева Т. М., Фудин А. Ф. Представления о маскулинности современных юношей (на примере студентов-первокурсников) // Социс. 2013. №6. С. 100–107.
26. Рахматуллина З. Н. Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2001. 147 с.
27. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу: Перевод и комментарий. URL: <http://idrisi.narod.ru/fadl-krach.htm>

Поступила в редакцию 19.03.2014 г.

COMMON AND PARTICULAR FEATURES IN THE MENTALITIES OF THE PEOPLES OF THE VOLGA AND URAL REGIONS

© E. V. Nikitina

*Chuvash State University
15 Moskovskii ave., 428015 Cheboksary, Chuvash Republic, Russia.*

Phone: +7 (8352) 45 02 79.

E-mail: erbina@rambler.ru

The author of this article approves that common features in the mentalities of peoples of the Volga and Ural regions are caused not so much by the genetic relatedness and similar natural and geographical conditions of existence as a common historical destiny, socio-political and economic factors. Specificity of ethnic mentalities of the Chuvash, Tatars, Bashkirs, Mari, Mordovians, Udmurt is revealed through a comparative analysis of some of their collective ideas about the world and themselves, traditional values, moral principles and behavior stereotypes. A representative of a particular ethnic community is predisposed to think, feel and act within the boundaries of national traditions, norms and rules of etiquette. These rules and regulations differ even among close neighbors. But similar conditions of the historical development of the peoples of the Volga and Ural regions, primarily suppression of ethnic religions, Islamization and Christianization in the past centuries, have left its mark in their spiritual culture. The tsarism and the Church were carried out russification policy between small peoples without recognizing their right to preserve native languages. Depressed mood and dependent position of the peoples merged with the national characters. As a result, a new way of thinking is formed – without maximalism, extremism, based on continuous, diligent, fanatical creation instead arrogant destruction. In a word, the mentality of a stranger, almost uniform for all small peoples of the Russian Empire, was created. XX century brought a lot of positive and negative features to mentalities of Russian peoples. Social reality and policy of the post-Soviet states entered destroying changes into a traditional rhythm of the public, family, gender, international relations. Models of behavior of spouses, youth, teen-agers were changed, models of self-guarding behavior were updated. At the moment it is difficult to determine what is prevalent in ethnic families – traditional foundations or “television” standard. Uncontrolled flows of information are coming from the media and the Internet, washing away general and special features from unique cultures of the Bashkirs, Mari, Mordovians, Tatars, Udmurt, Chuvash and other small peoples of the Russian Federation. It remains an open question whether it is possible and necessary to preserve native languages, ethnic traditions and ethnic mentalities in the future.

Keywords: *ethnic mentality, mentality of the peoples of the Volga and Ural regions, mentality of the Chuvash people, ethnic religion, ethnic linguistic processes, civic identity, Russian mentality.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Nikitina E. V. Chuvashskii etnomentality: sushchnost' i osobennosti [Chuvash Ethnic Mentality: Essence and Features]. Cheboksary: izd-vo Chuvash. un-ta, 2012.
2. Anderson R., Shikhirev P. «Akuly» i «del'finy»: psikhologiya i etika rossiisko-amerikanskogo delovogo partnerstva [“Sharks” and “Dolphins”: Psychology and Ethics of Russian-American Business Partnerships]. Moscow: Delo LTD, 1994.
3. Krysko V. G. Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic Psychology]. Moscow: Akademiya, 2002.
4. Erdman I. F. Pamyatniki Otechestva. Polnoe opisaniye Rossii: Udmurtiya. Moscow: Pamyatniki Otechestva, 1995. Pp. 14–17.
5. Strel'nik O. N. Osnovaniya tsivilizatsii: filosofskii analiz. Ed. V. M. Naidysha. Moscow: Signal", 2001. Pp. 168–208.
6. Gakstgauzen A. Issledovaniya vnutrennikh otnoshenii narodnoi zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdenii Rossii [Study of Internal Relations of the Folk Life and Rural Institutions of Russia Especially]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova, 1870.
7. Mueller D.C. Reason, Religion, and Democracy. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 450 r.
8. Bezertinov R. N. Tatory, tyurki – potryasateli Vselennoi (Istoriya Velikikh Imperii) [Tatars, Turks – the Ones Who Made the Universe Tremble (History of Great Empires)]. Novosibirsk: TsERIS, 2001.
9. Russkie pisateli o chuvashakh: Sb. proizvedenii. Comp. F. E. Uyar. Izd. 2-e, dop. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2009.
10. Nikol'skii N. V. Nikol'skii N.V. Sobranie sochinenii. T. II. Trudy po istorii khristianizatsii i khristianskogo prosveshcheniya chuvashei. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2007. Pp. 126–356.
11. Il'minskii N. I. Kazanskie gubernskie vedomosti. 1868. 24 fevralya. No. 16. Pp. 87–88.
12. Nikitina E. V., Trifonov G. F. Natsional'nyi vopros. Teoriya. Sovremennost'. Politika: Mat-ly Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. «Sovremenniy mir i etnonatsional'nye protsessy» (g. Yakut-sk, 20–21 sentyabrya 2012 g.). Yakut-sk: Sfera, 2013. Pp. 155–163.
13. Istoriya russkogo naroda. Sochineniya Nikolaya Polevogo [History of Russian People. Works of Nikolay Polevoy]. T. I. 2-e izd. Moscow: Tipografiya Avgusta Semena pri Imp. Med-khirurg. Akademii, 1830. Pp. 45, 62–63.
14. Gertsen A. I. Byloe i dumy. Izbr. glavy [My Past and Thoughts. Selected Chapters]. Moscow: Prosveshchenie, 1984.
15. Lebedev V. I. Zhurnal MVD. 1850. Ch. 30. Kn. 6 (iyun'). Pp. 304–307.
16. Dzhidar'yan I. A. Predstavlenie o schast'e v rossiiskom mentalitete [Idea of Happiness in Russian Mentality]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2001.
17. Donesenie i.d. nachal'nika V okruga, zhandarmskogo polkovnika Maslova shefu zhandarmov A. Kh. NA ChGIGN. F. I. Ed. khr. 533. Inv. No. 5836–5901. L. 85.
18. Cheremshanskii V. M. Opisaniye Orenburgskoi gubernii v khozyaistvenno-statisticheskome, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh [Description of Orenburg Province in Economic-Statistical, Ethnographic and Industrial Relations]. Ufa: Tip. Orenburg. gubernskogo pravleniya, 1859.
19. Amirov D. G. Bashkiry. Etnograficheskii ocherk [The Bashkirs. Ethnographic Essay]. Sterlitamak, 1922.

20. Vasin K. K., Korobov S. A., Reinfel'dt B. K. Iz istorii razvitiya filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli v Mariiskom krae (dooktyabr'skii period). Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1966.
21. Chuvashi v russkoi literature i publitsistike: v 2 t. [Chuvash in Russian Literature and Journalism: in 2 Vol.]. Comp. F. E. Uyar. Cheboksary: izd-vo Chuvash. un-ta, 2001.
22. Tatarsy Srednego Povolzh'ya i Priural'ya [The Tartars of the Middle Volga and Urals]. Ed. N. I. Vorob'eva, G. M. Khisamutdinova. Moscow: Nauka, 1967.
23. Narody Privolzh'ya i Priural'ya. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Peoples of Volga Region and Urals. Historical-Ethnographic Essays]. Ed. R. G. Kuzeeva. Moscow: Nauka, 1985.
24. Dmitrieva N. I., Nikitin V. P. Mir chuvashskoi kul'tury (Drevnyaya istoriya i dukhovnoe nasledie etnosa): Ucheb. posobie [World of Chuvash Culture (Ancient History and Spiritual Heritage of the Ethnic Group): Textbook]. Cheboksary: Novoe vremya, 2007.
25. Dadaeva T. M., Fudin A. F. Sotsis. 2013. No. 6. Pp. 100–107.
26. Rakhmatullina Z. N. Osobennosti formirovaniya i osnovnye cherty mentaliteta bashkirskogo naroda: dis. ... kand. filos. nauk. Ufa, 2001.
27. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu: Perevod i kommentarii. URL: <http://idrisi.narod.ru/fadl-krach.htm>

Received 19.03.2014.